

Николай Почтовалов

*Тьеса для
испорченного
инструмента*

Стихи и песни

Николай Петрович Почтовалов

Пьеса для испорченного инструмента... Стихи и песни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9368031

ISBN 9785447407377

Аннотация

Довольно странное название я дал своей книге – даже сам призадумался: почему пьеса, да еще и для испорченного инструмента... Сегодня жизнь похожа на кем-то разыгрываемую пьеску – не очень (мягко говоря) хорошего качества, да еще и инструмент... испорчен. А для меня главным инструментом в жизни была, есть и будет душа. Ну, да ладно, не буду портить настроение: **ВСЕ ПРЕКРАСНО**, если, конечно, Ты, мой читатель, так считаешь.

Содержание

Почти правда	5
Диагноз	6
Откровение	7
Душа и осень	8
«Ах, это карельское лето —...»	9
Жизнь – колесо	10
Жду...	11
Майнэ либэ	12
«Пахнет прелым... Вспомнил юность...»	13
«Плачет кто-то за окошком —...»	14
Сплин	15
За день до смерти...	17
Исповедь бывшего пьяницы	18
Хочу огня!	19
Слушай	20
Скучно...	21
Зима (минус 36 и 6)	22
Вальс невпопад	24
Бомж-песня	26
Мальчишкам Северного Флота	28
Моя Провинция	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Пьеса для испорченного
инструмента...
Стихи и песни
Николай Почтовалов**

© Николай Почтовалов, 2016

ISBN 978-5-4474-0737-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почти правда

Мутило... и продавленный диван
впивался зло пружиной в ягодицу...
Хотелось, братцы, даже удавиться,
но за окном вдруг затянул баян.
Он не играл, он – плакал... Под вальсок
дворовый пес кивал хвостом кому-то...
Был час – как будто бы промежду суток, —
затягивай потуже поясок...
Мечтал Иваныч, сплевывая зло,
а тетка Марья, в стареньких калошах,
свистела: день-то – чудо, прехороший,
ишь, как с погодой нынче повезло!
Висел июль в прокуренном окне,
и было лень задернуть занавеску...
Ее задернула услужливо невестка,
сказав: «Хотите? – Возражений нет».
Мелькнула мысль: ну, старина, пора:
конец и есть, наверное, начало!
И, оттолкнувшись молча от причала,
я зазвучал... на кончике пера.

Диагноз

Охреневшая погода...

Запотевшее окно...

Сам себе кажусь уродом...

И вокруг... одно г....

Откровение

Бесконечность бытия
душу просто истощает...
Отпиваюсь ночью... чаем,
в чаелюбах состоя.

Размышляется впотьмах
о конце и о начале...
Запиваю мысли чаем
в недопонятых местах....

И, слетая с губ сухих,
мысли, что во мне кричали,
растворяясь в терпком чае,
превращаются в стихи...

А желудок без помех,
бытию обман прощая,
принимает вместе с чаем
и... раскаянье, и... грех...

Душа и осень

Осень, снег... и никому нет дела,
что душа, отдельная от тела,
то взлетает, то опять садится,
будто кем-то раненая птица...
С телом жить она сейчас не может:
пробежит мороз по тонкой коже —
и она от тела отлетает...
Дай ей Бог снежинкой не растаять...

«Ах, это карельское лето —...»

Ах, это карельское лето —
сродни постоянной угрозе:
морозов-то, вроде, и нету,
но душу легко отморозить.

Жизнь – колесо

Нет, не хочу, не могу, не желаю, не стану
ветру о чем-то нашептывать я у костра...
Было бы, знаю, конечно, немножечко странным,
если бы это признание случилось вчера...

Может быть, это – меня закружили метели?
Может быть, это – в душе проливные дожди?
Может быть, это – те листья, что прошелестели
и улетели, оставив меня позади?

А в облаках ослепительно белые птицы
машут крылами беззвучно, как в старом кино...
Жизнь – колесо... Мы с тобой – поржавевшие спицы...
Было, все было, но очень, уж очень давно...

Было, все было: костер догорал на рассвете,
чмокала каша, чайк закипал в котелке,
песнями душу в тумане расплескивал ветер...
Было, все было – как замок на желтом песке...

Жду...

Выстрела в спину отчаянно жду...
Ров до краев все еще не заполнен...
Кто-то, быть может, об этом не помнит —
к счастью, но... будет вернее – к стыду...
Нет ни крестов, ни могил... Впереди
есть только ночь – безнадежно бессонна...
В ней каждый звук возвращается стоном,
в ней – только эхо: жди, жди, жди...

Майнэ либэ

В небесах пространно темных:

майнэ либэ, майнэ либэ;

и в глазах немного томных:

майнэ либэ, майнэ либэ;

на песке следами в море:

майнэ либэ, майнэ либэ;

даже кошка на заборе:

майнэ либэ, майнэ либэ;

волны с берега смывают

майнэ либэ, майнэ либэ;

в звуках неизбежно тает:

майнэ либэ, майнэ либэ;

все уходит, все приходит:

майнэ либэ, майнэ либэ;

все запутано в природе:

майнэ либэ, майнэ либэ...

«Пахнет прелым... Вспомнил юность...»

Пахнет прелым... Вспомнил юность:

поле, сено... А сутулость

будет позже... Запоздало

я пою глухому залу...

Он, конечно же, не слышит...

слышит, если только – слыше...

А под крышей – паутина,

в паутине – я, безвинный,

вроде мухи, бьюсь устало:

жизнь была и вдруг – пропала...

Знала, стерва, что когда-то

будет все-таки расплата...

Дата, черт возьми, – пространна:

то ли – поздно, то ли – рано...

«Плачет кто-то за окошком —...»

Плачет кто-то за окошком —
я не плачу, я – смеюсь:
мысли катятся горошком
прямо на пол... Ну и пусть...
Собирать я их не стану:
голова трещит с утра...
Как же все на свете странно:
«Соловецкая» дыра...

СПЛИН

Прочту письмо
без стоны и без крика:
прошло сто лет,
как будто – миг один,
и только боль —
занозой и уликой —
СПЛИН...

Ты пишешь: все забыла и прощаю,
плачу за все и сдача без нужды...
Куда ж еще
прощальней и слащавей?
ТЫ...

Пусты слова,
когда нет продолженья,
и чувства раздражающе пусты...
Что за проклятье,
что за наважденье?
ТЫ...

А мне давно с тобою одиноко,
хоть миг судьбы в моей судьбе
застыл;

езде, всегда,
повсюду и... без срока...
ТЫ...

За день до смерти...

За день до смерти буду жить,
не отвлекаясь на сомненья,
и будет за окном кружить
неуловимое везенье;
и снег растает на губах,
отдав свое мгновенье влаги,
и запульсируют в стихах
на сереньком клочке бумаги
мне непонятные слова:
о смысле жизни в этом мире,
о том, что жизнь всегда права,
о том, что только Бог помирит,
о том, что смертью не помочь
и жизнь, увы, не помогает...
Уже осталась – только ночь...
а что потом, – никто не знает...

Исповедь бывшего пьяницы

Я пью чаек... Жена заварит —
хлебаю в неге и в тепле...

Сегодня мы с женою в паре:
чаек и сушки на столе...

А было ж время золотое:
не здесь, а где-то все же там...

А может, вспоминать не стоит,
жена ведь: все равно не дам...

Но было, что уж тут лукавить:
душа плясала гопака,

и было ж и кому поставить,
и заплеталась в стих строка...

Душа орала... Нынче — тихо:
сiju в пледу — учтив и мил...

Есть в душу вход. А где же выход?
Ведь был же выход, был же, был...

Хочу огня!

Костры весенние отчаянно дымят...
С огнем весной всегда – из рук вон плохо...
А нам с тобой – тереть глаза да охать:
ну отчего же листья вспыхнуть не хотят?

Они хотят, но... у желанья есть предел,
как и в стихах: как ты себя не мучай,
когда расплавишь лед под листьев кучей,
погаснет пламя... Ты ж не этого хотел?

Слушай

Слушай: может быть, услышишь,
не услышишь, – не поймешь.
Кто-то, может, рядом дышит, —
ты не слышишь... Правда – ложь...
В облаках плывет куда-то
зарифмованная боль...
Роль глухого воровата,
ты глухого не неволь:
он такой, каким когда-то
уродился. Жизнь глупа —
у него ума палата,
но душа, увы, слепа:
наугад бредет по свету
и на ощупь ищет смысл...
Смысла в смысле смысла нету,
смысл – когда в раздумьях мысль.
Просто пишется порою
не о том. Прости, – устал:
трудно быть твоим героем —
я иллюзий не питал.

Скучно...

Холодеет рот от скуки,
ноет правое плечо,
вместо слов толпятся звуки,
зазывая на крючок...
И никак не разобраться:
щупай – все равно не то...
В голом зеркале паяцем
ржет безумный конь в пальто...
Не глумись, ноздря... Осколки
захрустели под пятой...
Скучно... нет от жизни толку
в этой комнате пустой...

Зима (минус 36 и 6)

Зима... Уныло и темно...
В пространстве – замкнутом и стылом —
как облачка колечки дыма
плывут в замерзшее окно...
Как будто вечность замерла
в столетних половицах пола...
Я к этой вечности приколот:
жизнь, как и комната, – мала...

Зима... И в липкой тишине
ворчать не прекращает теща...
С ворчаньем жить, наверно, проще
моей простуженной стране...
И голоса едва слышны,
как на заброшенном погосте:
дожди перемывают кости...
они безропотно грешны...

Зима... Простуженный и злой,
хрипчатый голос только жальче...
А в зеркале – уже не мальчик...
Увы, и тут не повезло...
И в комнате опять темно...
В пространстве – замкнутом и стылом —

моя душа колечком дыма
плывет в замерзшее окно.

Вальс невпопад

Подметаает город осень:
на траве пожухлой просесть,
в небе хмуром лета просинь
выцвела до дыр,
желтых листьев эполеты
на деревьях неодетых, —
только я и... бабье лето
путаем следы.

Все в округе поредело,
даже дворник – между делом,
да и то всегда несмело —
листьями шуршит...
Ты прости меня, прохожий,
что опять мы непохожи:
осень я свою не прожил,
нет нужды спешить.

Было все, а что-то – мимо...
Это знать невыносимо...
Но давай судьбе простим мы
осень на дворе.
Ей бы – и зимой, и летом,
и весной – кружить по свету,

чтобы с песней недопетой
в костерке гореть...

Бомж-песня

Мне, бездомному, несладко
жить на этом белом свете:
сам себе кажусь загадкой,
будто черт меня пометил.
Ветер все в лицо да в душу,
дождь за шиворот без меры,
ночью будто кто-то душит, —
видно, я уже не первый...

Мне бы чистыми руками
по щеке тебя погладить,
мне б со свежими носками
жизнь семейную наладить,
мне бы спать в своей кровати
в теплой комнате у стенки
и всегда – пускай некстати —
твои чувствовать коленки...

Мне бы многого хотелось
в этой жизни безутешной:
чтоб душе пилось и пелось —
без усилий и неспешно;
чтобы звездочка в окошко,
чтобы дети и внучата,

чтоб удачи хоть немножко
да бутылочки початой...

Я бы жил на всю катушку!
А сегодня – в жизни тесно:
на глоток осталось в кружке...
Вот и кончилась песня....

Мальчишкам Северного Флота

В купе плацкартного вагона,
как сельди в бочке, – морячки,
и все как будто бы знакомы —
не сыновья, а все ж – сынки:
почти забытые улыбки,
почти забытые слова,
уже есть право на ошибки,
и жизнь – прекрасна и нова...

Слова не выдохну пустые,
в глазах надеждой утону,
и отношения простые —
чтоб ощутить свою вину...
И волны Баренцева моря
перекрывают стук колес,
но морячок прибудет вскоре
туда, откуда черт унес...

Забуду выдох полупьяный:
там, братцы, лучше не служить, —
но буду помнить капитана,
который приказал им: жить!!!
И буду помнить страх в подлодке,
пропахшей потом всех морей...

Давай, моряк, по чарке водки
нальем: за наших матерей!

Мальчишечка, мальчишка,
не рви мне душу в клочья,
и так хватил я лишку
с тобой бессонной ночью.

Моя Провинция

Провинциальная – до боли – тишина:
почти зима, почти весна, почти что лето,
почти что осень, – все четыре есть куплета,
а песни – нет... поди, провинция грешна...

А я живу неброско и смиренно —
провинциальный, но российский гражданин...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.